

III.

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ИЗДАНЫХЪ Д. Е. КОЖАНЧИКОВЫМЪ СОЧИНЕНІЙ
О РАСКОЛѢ.

Прошлый годъ былъ особенно счастливъ для людей, занимающихся изученіемъ раскола. Не говоря о многихъ статьяхъ о расколѣ полемическаго и историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, наша литература пріобрѣла въ прошломъ году сочиненія о расколѣ особеннаго рода, — какихъ не было въ печати до 1861 года. Мы имѣемъ въ виду изданныя въ прошломъ году сочиненія самихъ раскольниковъ. Вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ „Описанія“ раскольническихъ сочиненій Александра Б., явилось въ прошломъ году еще нѣсколько сочиненій въ этомъ же родѣ. „Житіе протопопа Аввакума,“ имъ самимъ написанное, „Исторія Выговской старообрядческой пустыни,“ составленная раскольниковъ Иваномъ Филипповымъ, „Разказы изъ исторіи старообрядства по раскольническимъ рукописямъ,“ переданныя С. Максимовымъ, „Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ и сказаніе о хранительномъ

были, мерзскомъ земли, еже есть табацѣ“ (два старинныя произведенія раскольнической литературы),— вотъ перечень сочиненій, которыми подарилъ публику въ прошломъ году Д. Е. Кожанчиковъ,—издатель указанныхъ сочиненій ⁽¹⁾. Нельзя не порадоваться такому явленію и не поблагодарить отъ души издателя за его умѣнье угадывать потребности общества. Расколъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время обратилъ на себя серьезное вниманіе всѣхъ образованныхъ людей, — а между тѣмъ ничто такъ не помогаетъ изученію этого замѣчательнаго явленія, какъ знакомство съ самими произведеніями раскольнической литературы. Само собою разумѣется, что всѣ изчисленныя выше сочиненія суть не болѣе, какъ матеріалы, надъ обработкой которыхъ еще нужно много трудиться, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ. Но трудъ не можетъ устрашать человека серьезнаго, лишь бы только было надъ чѣмъ трудиться — съ пользою и успѣхомъ.

Впрочемъ, отдавая должную справедливость г. Кожанчикову за его изданія, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ тѣми надеждами, которыя высказываются въ предисловіяхъ указанныхъ сочиненій — то издателемъ ихъ, то самими авторами. „Издавая эти произведенія въ свѣтъ, говоритъ г. Кожанчиковъ (въ предисловіи къ повѣсти о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ), мы думаемъ положить начало предпріятію, важность котораго несомнѣнна и для науки, и для жизни. Ничто такъ не задерживаетъ развитія мысли, ничто такъ не проти-

⁽¹⁾ Въ прошломъ же году издано г. Кожанчиковымъ еще одно сочиненіе подъ названіемъ: «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія,» извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи—г. Есиповымъ, по объ немъ мы поговоримъ послѣ.

вится внесению въ жизнь вольнаго воздуха и свѣта, какъ таинственная оболочка, въ которую ставятъ историческія обстоятельства извѣстную идею или явленіе: много понятій въ жизни, много суевѣрныхъ убѣжденій только и держатся, благодаря тому, что они не имѣютъ возможности высказаться и вполнѣ обнаружить себя. При свѣтѣ яснаго дня разлетаются тѣ сумрачныя призраки, въ какіе любятъ одѣвать суевѣрная мысль и напуганное чувство—предметы жизни обыденной; ихъ чарующее значеніе исчезаетъ, уступая мѣсто трезвому взгляду на протекшее и настоящее. Долгое время произведенія раскольничьей литературы производили обязательное дѣйствіе влрещеннаго плода: преслѣдуемая обществомъ, они тѣмъ съ большею силою дѣйствовали на души простолюдиновъ, усыпляя мысль и внушая благоговѣнное, непоколебленное сомнѣніемъ чувство вѣры въ ихъ непреклонную истину. Раскольникъ не думалъ надъ ними, не стремился объяснить ихъ,—онъ читалъ ихъ тѣмъ съ большею теплотою и довѣріемъ, чѣмъ сильнѣе были влѣвшія гоненія судьбы. Этимъ наивнымъ отношеніемъ, этимъ не заслуженнымъ почетомъ — онъ какъ бы стремился вознаградить столь же не заслуженное презрѣніе въ нимъ. Оттого съ такимъ подозрительнымъ упорствомъ онъ отстаивалъ ихъ, не довѣряя голосу науки, стремившейся дать имъ надлежащую цѣну и смыслъ, и едва ли раскольникъ не былъ правъ въ этомъ случаѣ: видя враждебное отношеніе къ предмету, съ которымъ связывалось много дорогихъ его воспоминаній, онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ бросить тѣнь на чистоту побужденій, руководившихъ людьми, рѣшившимися объяснить ему смыслъ его писаній; вмѣстѣ съ этимъ онъ подозрительно взглянулъ и на

самыя объясненія и остался при своемъ наивномъ, вѣрующемъ отношеніи къ нимъ, снова читалъ ихъ— „ничтоже сумняся“; противъ такого печальнаго общественнаго антагонизма есть одно средство — это приведеніе въ извѣстность самихъ памятниковъ его умственной жизни, ихъ объясненіе не въ духѣ угожденія исключительной партіи, а вполне историческое, руководимое спокойною любовью, какую долженъ имѣть изслѣдователь къ предмету своего изысканія. День обнародованія произведеній раскольничьей литературы и объясненія ихъ—будетъ днемъ побѣды разума и науки надъ темнымъ суевѣріемъ: дѣлаясь достояніемъ всѣхъ и cadaго, они потеряютъ тотъ обаятельный фантастическій свѣтъ, въ какой одѣвало ихъ смутное сознаніе раскольника; они станутъ вещью обыкновенною, простою, которая не запугиваетъ сознанія сумрачными страшилами, а укрѣпляетъ и просвѣщаетъ его. Однимъ словомъ, изъ предметовъ суевѣрія—они сдѣлаются предметами науки, доступной каждому“. Оставляя въ сторонѣ фразы и риторіку, мы получимъ изъ всей этой длинной тирады слѣдующую простую мысль: преслѣдованіе раскольничьей письменности не только не приносило никакого плода, напротивъ положительно было вредно—въ томъ отношеніи, что придавало ей обаятельность запрещеннаго плода и чрезъ это поселяло въ раскольникахъ съ одной стороны убѣжденіе въ справедливости ихъ писаній, а слѣдовательно и содержащихся въ нихъ вѣрованій, — съ другой—нерасположеніе къ гонителямъ и недовѣріе къ ихъ объясненіямъ смысла этихъ писаній; единственное средство—поправить ошибку состоитъ въ обнародованіи, въ приведеніи въ извѣстность всѣхъ произведеній раскольничьей литературы, которая чрезъ это

самое потеряютъ свою таинственность и неразлучную съ нею обаятельность, — суевѣріе исчезнетъ, истина восторжествуетъ. Что преслѣдованіе произведеній раскольничьей письменности — дѣло не хорошее, вредное, даже не совсѣмъ нравственное, объ этомъ никто не будетъ спорить. Насиліе вообще, и въ частности въ дѣлѣ вѣры, не только не ведетъ къ цѣли, но даже не рѣдко отдаляетъ отъ ней. Послѣднее и самое крайнее средство противъ всякаго не правомыслящаго должно состоять, по духу Евангелія, въ наученіи его и, въ случаѣ упорства, въ признаніи заблуждающаго человѣкомъ опаснымъ для общества правовѣрующихъ и въ предостереженіи послѣднихъ отъ ложнаго его ученія. Далѣе этого не можетъ простираться никакая власть не только церковная, обязанная руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ духомъ кротости и любви, но даже и свѣтская, если она не захочетъ взять на себя дѣла выше своихъ силъ и средствъ, правъ и обязанностей, — т. е. распорядиться убѣжденіями человѣка, которыя должны считаться святыней и которыя могутъ жить среди самыхъ жестокихъ пытокъ и разнаго рода смертей.

Не одобряя такимъ образомъ дѣйствій власти прежняго времени въ отношеніи къ раскольничьей письменности, мы однакоже не можемъ вполнѣ отдаться и тѣмъ надеждамъ, осуществленія которыхъ ждутъ отъ обнародованія произведеній раскольничьей литературы, отъ признанія за нею права гражданства. По крайней мѣрѣ изданіе раскольничьихъ сочиненій въ томъ видѣ, въ какомъ появились въ свѣтъ указанная выше произведенія, едва ли можетъ вести къ тѣмъ отраднымъ результатамъ, какіе обѣщаетъ г. издатель. Что подобныя изданія могутъ мало по малу „восполнять существовав-

шій доселѣ во всѣхъ почти сочиненіяхъ о расколѣ весьма важный и существенный недостатокъ—знанія внутренней его жизни“, что въ сочиненіяхъ самихъ раскольниковъ мы найдемъ не только то, за что упрекаютъ расколъ, но и оправданія самихъ обвиняемыхъ, въ слѣдствіе чего судъ о расколѣ можетъ быть безошибочнѣе и безпристрастнѣе, что вообще изданіе произведеній раскольничьей литературы можетъ служить самымъ лучшимъ, хотя и не единственнымъ, средствомъ къ болѣе полному и всестороннему изученію раскола,—въ этомъ мы не сомнѣваемся, и уже имѣли случай заявить объ этомъ предметѣ наше мнѣніе (¹). Но чтобы считать обнародованіе письменности раскольничьей *единственнымъ* средствомъ къ искорененію заблужденій раскола и къ возвращенію заблуждающихъ на путь истины, для этого нужно имѣть мало практическаго знакомства съ расколомъ. Нѣтъ спора, что „тайнственность даетъ всякому темному дѣлу привлекательность, что она заманиваетъ къ попытству, раздражаетъ воображеніе, располагаетъ къ увлеченіямъ и тѣмъ самымъ затуманиваетъ разумъ, и заблужденію придаетъ призрачную форму убѣжденія.“ Но чтобы и одного „оглашенія заблужденій“ было достаточно для ихъ исчезновенія, этого мы рѣшительно не понимаемъ. Представимъ себѣ человѣка, который по какому либо обстоятельству впалъ въ заблужденіе касательно извѣстнаго предмета. Съ теченіемъ времени его заблужденіе становится извѣстнымъ другимъ лицамъ и даже объявляется печатно. Что же? ужели послѣ этого заблуждающій оставитъ свое ложное мнѣніе—потому только, что оно сдѣлалось из-

(¹) Христ. Чт. 1861. Іюнь, стр. 464—5.

вѣстнымъ и другимъ, особенно когда это мнѣніе составляетъ его *искреннее убѣжденіе*, когда за него онъ готовъ перенести и даже перенесъ немало огорченій и страданій?? Не думаемъ. А между тѣмъ таковы всѣ заблужденія раскола. Для большинства раскольниковъ это — святыня, искреннія убѣжденія. сама вѣра Христова, спасающая человѣка. За свои заблужденія расколъ двѣсти лѣтъ страдалъ, не ослабѣвая, а напротивъ мужаясь съ каждымъ новымъ на него гоненіемъ. Легко ли разстаться съ мыслями, купленными такой дорогой цѣной? И ужели для этого достаточно только вывести ихъ на свѣтъ Божій? Нѣтъ! мы думаемъ, на-оборотъ. Обнародованіе раскольничьей письменности. полезное для науки и, можетъ быть, еще для издательской дѣятельности, можетъ послужить, при неумѣннй вести дѣло, во вредъ жизни и обществу. Объяснимся.

Хотя раскольники отличаются болѣею грамотностію, чѣмъ православные, — разумѣемъ въ этомъ случаѣ низшіе классы общества, — тѣмъ неменѣе и въ расколѣ большинство заблуждающихъ не знаетъ даже читать. Само собой понятно послѣ этого, что изданія раскольничьей письменности прежде и скорѣе всего попадутъ въ руки тѣмъ изъ раскольниковъ, которые извѣстны подъ именемъ раскольническихъ большаковъ, учителей, —лицъ, которыя и заправляютъ массою. А эти послѣдніе, т. е. наставники раскола, какъ всякому извѣстно, имѣютъ свои причины стараться, чтобы число ихъ учениковъ не только не уменьшалось, напротивъ увеличивалось болѣе и болѣе. И вотъ однимъ изъ средствъ къ распространенію раскола въ рукахъ начетчиковъ раскольническихъ будутъ изданія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Понять высокую цѣль подобныхъ

изданій они не въ состояніи, да можетъ быть и не захотятъ; а между тѣмъ въ нихъ они найдутъ доказательства на всѣ тѣ мысли, въ которыхъ стараются утвердить своихъ слушателей; печать, обаятельная сила которой для простолюдиновъ извѣстна каждому, придастъ заблужденію еще болѣе вѣроятности, а открытое, свободное распространеніе раскольничьей письменности посредствомъ печати, находящейся въ зависимости отъ цензуры духовной и свѣтской, можетъ подать мысль, что вѣрно сама власть церковная и свѣтская наконецъ поняла, что произведенія раскольничьей литературы не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ правды... И это не мечты, а истина, къ сожалѣнію, оправданная опытомъ. Въ прошломъ году намъ удалось провести нѣсколько лѣтняго времени въ одномъ селѣ П. губерніи, въ которомъ число раскольниковъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ. При первой встрѣчѣ съ священникомъ этого села намъ пришлось выслушать отъ него слѣдующія горькія истины: „что это тамъ дѣлается у васъ въ Петербургѣ. Писали да печатали сперва противъ раскола, а теперь уже стали печатать и „въ пользу раскола“ (этимъ священникъ указывалъ на извѣстное „описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола“ Александра Б., появившееся въ началѣ прошлаго года). Когда я объяснилъ священнику всю пользу подобныхъ изданій для науки, онъ замѣтилъ: „въ томъ-то и бѣда, что у васъ тамъ все говорятъ о наукѣ, да объ идеяхъ, а на жизнь-то и взглянуть не хотятъ. А вотъ посмотрите-ка, что дѣлаетъ ваша наука у насъ: „описаніе“ явилось въ нашемъ селѣ, я думаю, скорѣе, чѣмъ узнали объ немъ ваши ученые, да пусть бы только явилось, Богъ съ

нимъ, въ этомъ еще не большая бѣда, — такъ нѣтъ, — наши раскольники носятся съ нимъ, какъ съ Евангеліемъ, да то и дѣло твердятъ православнымъ: посмотрите, посмотрите, наконецъ, стали печатать и въ нашу пользу, поняли, видно, что вѣра наша правая; вѣдь это изъ Петербурга, гдѣ самъ Царь живетъ. Какъ ни забавны всѣ эти толки, съ грустію продолжалъ добрый пастырь, но отъ нихъ происходитъ много зла. Благодаря „описанію,“ я уже не досчитываюсь многихъ изъ своихъ прихожанъ; другіе — начинаютъ колебаться и рѣдко стали ходить въ церковь, — а этой дурной знакъ. Что будетъ дальше, знаетъ одинъ Богъ.“ Такимъ образомъ мы на дѣлѣ увидѣли подтвержденіе мысли, высказанной нами въ библиографическихъ замѣткахъ о сочиненіи Александра Б. (1), т. е. что подобныя изданія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, могутъ послужить во вредъ раскольникамъ. Мало этого: они не безопасны, какъ показываетъ опытъ, для самаго православія — въ томъ отношеніи, что простой народъ нашъ, не въ состояніи будучи состязаться съ раскольническими наставниками о вѣрѣ, по не имѣнію основательныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, легко можетъ повѣрить внушеніямъ раскольническимъ, подтверждаемымъ печатными книгами, и — переходить въ расколъ.

Если же такими печальными послѣдствіями сопровождалось по мѣстамъ появленіе въ свѣтъ такого сочиненія, какъ „описаніе“ г-на Б., въ которомъ авторъ не рѣдко разоблачаетъ ложь раскольническую; то что же сказать о сочиненіяхъ въ родѣ „Исторіи Выговской пустыни“ или „Житія протопопа Аввакума,“ которыя

(1) Христ. Чт. 1861. Іюнь. Стр. 466.

суть не болѣе, какъ буквальная перепечатка раскольническихъ рукописей? Вредъ отъ подобныхъ изданій можетъ быть еще болѣшій. Въ этомъ случаѣ раскольническимъ наставникамъ уже нѣтъ нужды дѣлать перерывы и скачки при чтеніи своимъ слушателямъ подобныхъ изданій, какъ дѣлаютъ они при чтеніи книгъ, въ которыхъ на выписки изъ раскольническихъ рукописей находятся замѣтки и опроверженія, обыкновенно, опускаемыя чтецами, какъ не нужныя или даже еретическія; Исторія Выговской пустыни можетъ быть прочитана съ начала до конца,—и впечатлѣніе у слушателей будетъ одно — въ пользу раскола.

Высказывая эти мысли, мы далеки отъ того, чтобы возставать противъ подобнаго рода изданій; польза ихъ для науки и для самаго раскола—на *будущее*, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ близкое время, несомнѣнна. При пособіи такихъ изданій расколъ можетъ быть изученъ вполне, а слѣдовательно скорѣе можетъ быть отыскано и средство къ уврачеванію больныхъ. Теперь, при недостаткѣ ясныхъ и отчетливыхъ свѣдѣній о заблужденіяхъ раскола, не рѣдко полемика православныхъ или не достигаетъ цѣли, или даже приноситъ положительный вредъ тѣмъ, что часто навязываетъ раскольникамъ, по незнанію дѣла, такія мысли и дѣла, которыя и не существуютъ въ расколѣ, значитъ, раздражаетъ раскольниковъ клеветою, или, еще хуже—горячится изъ-за такихъ вещей, существованіе которыхъ въ расколѣ болѣе или менѣе законно, по крайней мѣрѣ исторически, и слѣдовательно возставать противъ которыхъ значитъ тратить по-пусту и время и трудъ. Не то будетъ, когда знакомство съ письменностію раскольническою обрисуетъ расколъ въ его настоящемъ свѣтѣ. Слабыя

стороны будутъ открыты и легко устранены; узанная вполне болѣзнь, судя по свойству, давности, остротѣ, заставитъ озаботиться пріисканіемъ надежнаго, серьезнаго и, можетъ быть, болѣе терпѣливаго способа леченія; то, чего держится расколъ, какъ преданія старины, какъ исторической основы жизни нашихъ предковъ, естественно, будетъ исключено изъ круга предметовъ, подлежащихъ осужденію, и на оборотъ, можетъ вызвать сочувствіе къ заблуждающимъ, не справедливо подвергавшимся за нихъ нареканіямъ и даже гоненіямъ; вражда раскола къ православію мало по малу исчезнетъ и выработаются данныя для заключенія мира, такъ давно нарушеннаго и такъ давно желаннаго.

Но если обнародываніе раскольнической письменности несомнѣнно обѣщаетъ пользу въ будущемъ, то съ другой стороны нельзя же закрывать глазъ отъ вреда, какой можетъ происходить отъ этого въ настоящемъ. Можно ли же указать какія либо средства къ тому, чтобы если не уничтожить совершенно этотъ вредъ, то по крайней мѣрѣ ослабить его, или, что было бы еще лучше, не позволить ему долго продолжаться?

Мы уже замѣчали, что главное зло, которое можетъ произойти и дѣйствительно происходитъ отъ изданія въ свѣтъ произведеній раскольничьей литературы, зависитъ отъ необразованности низшихъ классовъ нашего общества, въ которыхъ по преимуществу и гнѣздится расколъ. Значитъ, чѣмъ энергичнѣе будутъ мѣры правительства и общества къ распространенію въ народѣ образованія, тѣмъ скорѣе можно ожидать „внесенія въ жизнь вольнаго воздуха и свѣта,“ тѣмъ быстрѣе младенческой взглядъ нашихъ простолюдиновъ на многіе предметы жизни и вѣры уступитъ мѣсто взгляду солид-

ному и трезвому. Само собою разумѣется, что рука объ руку съ образованіемъ народа вообще должно итти образование его религиозное. Горько, но приходится сознаться, что главная причина успѣха раскольнической пропаганды скрывается въ недостаточномъ знаніи нашимъ народомъ истинъ вѣры. Раскольникъ—начетчикъ, который во время своей бесѣды ссылается и на Іоанна Златоустаго, и на Ефрема Сирина, и на Кирилла Іерусалимскаго, —да это-такое диво для нашего православнаго простолюдина, знающаго только, что въ постъ нельзя приготовить пищи съ масломъ, и однакожь не умѣющаго сказать двухъ словъ на исповѣди, —что не повѣрить пропагандисту значило бы не дорожить вѣрой и спасеніемъ;—а въ подобномъ равнодушіи нельзя упрекнуть нашъ простой народъ. Пастыри церкви должны обратить вниманіе на этотъ предметъ. Этого требуетъ и ихъ святое служеніе, и даже собственная польза и спокойствіе. Когда православные десятками и сотнями переходятъ въ расколъ, священники теряютъ въ нихъ своихъ прихожанъ и подвергаются необходимости писать начальству разнаго рода объясненія по этому предмету,—дѣло крайне непріятное. Не наше дѣло входить здѣсь въ разсужденіе о томъ, какъ удобнѣе приходскимъ священникамъ заняться религиознымъ образованіемъ своихъ прихожанъ и имѣютъ ли они для этого, при настоящемъ бытѣ сельскихъ причтовъ, и время и средства. Мы только указываемъ имъ на ихъ священный долгъ, отъ исполненія котораго они не въ правѣ отказаться. Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній и препятствій священники могутъ обращаться за совѣтомъ къ своему начальству, которое, надѣемся, не откажется подать имъ руку помощи.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Умственно-религіозное образованіе народа, о которомъ доселѣ почти и не думали, это такая не легкая вещь, что нужны цѣлые десятки лѣтъ самой энергической дѣятельности цѣлаго общества, чтобы явилось раньше или позже развитое, сознательное молодое поколѣніе, которое бы могло понять несостоятельность порядка вещей, существующаго въ расколѣ, какъ сектѣ религіозной. А между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, не ожидая, скоро ли рѣшатъ вопросы о томъ, кому быть учителями въ сельскихъ школахъ, по какимъ книгамъ воспитывать юное поколѣніе и проч. и проч. Расколъ, заманчивый по самой обстановкѣ своей, не только не ослабѣваетъ, напротивъ съ каждымъ новымъ годомъ приобрѣтаетъ себѣ больше и больше послѣдователей—не только „путемъ естественнаго рожденія,“ но и путемъ своей живой проповѣди, проникнутой горячею любовію къ истинѣ, больше впрочемъ смутно чувствуемой, чѣмъ ясно понимаемой и выражаемой въ болѣе доступной массѣ—рѣчи простонародной. Православные, совращаемые въ расколъ, лишаясь вѣрныхъ средствъ ко спасенію, становятся во враждебное отношеніе къ обществу, въ которомъ чрезъ это дробятся силы и замедляется движеніе впередъ. А тутъ еще начинается изданіе разныхъ раскольническихъ сочиненій, которыя въ рукахъ плохаго пониманія вещей или неблагонамѣренности дѣлаются новымъ средствомъ къ распространенію въ массѣ темныхъ понятій, которыхъ и безъ того не мало въ головахъ русскаго люда,—новымъ толчкомъ къ регрессивному движенію цѣлыхъ милліоновъ..... Остановить явленіе въ свѣтъ подобныхъ изданій нѣтъ возможности, да и было бы грѣшно.

Остается продолжать начатое въ видахъ пользы науки, но только съ возможно-меньшимъ вредомъ для общества и жизни. А для этого, мы думаемъ, не достаточно съѣздить въ Пустозеренъ, на рѣку Печору, или въ другое какое либо мѣсто, купить тамъ, или пріобрѣсть другимъ какимъ нибудь способомъ, нѣсколько раскольничьихъ рукописей и потомъ, явившись съ ними въ Петербургъ, перефразировать ихъ содержаніе или сдѣлать подстрочный переводъ ихъ, и за тѣмъ отдать ихъ г-ну Кожанчикову для изданія. Такой трудъ слишкомъ легокъ, чтобы отъ него можно было ожидать особенно серьезныхъ послѣдствій и добрыхъ плодовъ и для науки. Въ этомъ случаѣ мы скорѣе готовы отдать преимущество тому порядку вещей, котораго держится г. Кожанчиковъ. А этотъ порядокъ таковъ: берется раскольничья рукопись и печатается „съ соблюденіемъ въ точности ея орѳографіи, безъ исправленія даже явныхъ ошибокъ.“ Въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ не видно претензій на авторство, не остается мѣста сомнѣнію, все ли и такъ ли передано въ книгѣ, что содержится въ рукописи, и наконецъ — открывается обширное поле для филологическихъ и грамматическихъ соображеній, — тѣмъ болѣе, что вопросъ объ орѳографіи въ настоящее время снова поднять и даже признавъ дѣломъ важнымъ, для котораго собираются десятки ученыхъ. Будемъ говорить прямо.

Изданіе раскольничьихъ рукописей, — дѣло несомнѣнно полезное во многихъ отношеніяхъ, не такъ однако же просто само въ себѣ, чтобы за него можно было приняться безъ предварительнаго уясненія цѣли подобнаго предпріятія. А эту цѣль, намъ кажется, нельзя ограничивать только тѣмъ, чтобы пустить въ продажу

ту или другую напечатанную рукопись. Быть может, подобный взгляд на дѣло имѣетъ свои выгоды, — но наука безкорыстна и чуждается всякихъ интересовъ. Правда, и для ней найдется въ изданіяхъ подобнаго рода своей процентъ — невѣсомый. Ознакомившись чрезъ печатныя сочиненія раскольниковъ съ ихъ „вымыслами“, лица, занимающіяся наукой, напр. „нашею народною исторіею“, будутъ „безошибочнѣе въ своихъ выводахъ“. Но во первыхъ — такихъ лицъ, сравнительно съ тѣми, которыя только читаютъ книги, слишкомъ мало, а во вторыхъ, для этихъ лицъ — подобныя сочиненія нерѣдкость. Не думаемъ по крайней мѣрѣ, чтобы у людей, специально занимающихся расколомъ или вообще нашею народною исторіею, не было, напр. „Исторіи Выговской пустыни“, или „Житія протопопа Аввакума“. Намъ кажется, не будетъ новостію ни для кого, если мы скажемъ, что множество раскольниковыхъ книгъ и рукописей издавна существуетъ по разнымъ книгохранилищамъ нашимъ, только, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени мало обращали у насъ вниманія на эти драгоценныя матеріалы. Такимъ образомъ наука выигрываетъ, собственно говоря, немного отъ изданій г-на Кожанчикова. Можетъ ли быть польза отъ нихъ для общества? Пользу для раскола мы уже указали; для православнаго общества вмѣсто пользы можетъ быть вредъ въ томъ отношеніи, что тѣ изъ его членовъ, которые не въ состояніи дѣлать „критическаго разбора фактамъ“ (а такихъ большинство), легко повѣрятъ раскольничьимъ „вымысламъ“, и оставятъ православіе. Конечно, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ господъ, это — пустяки; но мы еще разъ заявляемъ, что думать, будто и въ расколѣ также легко достигнуть спасенія, какъ и

въ союзѣ съ Церковію православною, значить плохо понимать учрежденный Господомъ порядокъ нашего спасенія. Что же остается дѣлать?

Намъ думается, что до тѣхъ поръ, пока народъ нашъ остается на той степени умственно-религіознаго развитія, на какой онъ находится теперь, изданіе въ свѣтъ раскольничьихъ сочиненій должно быть подчинено нѣкоторымъ ограниченіямъ.

И во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять это дѣло частнымъ лицамъ, которыхъ цѣли иногда могутъ ограничиваться личнымъ интересомъ, лучше бы, намъ кажется, поручить изданіе раскольничьихъ сочиненій цѣлому обществу людей, спеціально приготовленныхъ къ такому труду. Что правительство свѣтское и духовное, а равно общество могутъ и должны не стѣсняться составленіемъ подобнаго „общества“, существованіе котораго, конечно, потребуетъ нѣкоторыхъ, и, можетъ быть, не малыхъ жертвъ матеріальныхъ, этого, кажется, нѣтъ нужды и доказывать. Дѣло такъ важно, что всякіе расчеты—въ сторону. Для Церкви расколъ служитъ врагомъ, который не позволяетъ, или, по крайней мѣрѣ, препятствуетъ ей средства, дарованныя Господомъ, прилагать ко спасенію душъ, искренно желающихъ спасенія. Общество имѣетъ въ расколѣ противника всѣмъ его прогрессивнымъ движеніямъ. Стоитъ подумать о средствахъ лучше узнать этого могучаго исполина, его стремленія и желанія справедливыя и мечтательныя, чтобы, удовлетворивъ однимъ и устранивъ другія, войти съ нимъ въ союзъ для совокупнаго, дружнаго дѣйствованія. Если существуютъ у насъ общества экономическое, археологическое, исторіи и древностей русскихъ и многія другія, то почему же бы не

быть послѣ этого обществу для изданія въ свѣтъ сочиненій раскольничьихъ, когда, по увѣренію нѣкоторыхъ, они „одни въ состояніи выяснить окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни, который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представляетъ самыя яркія и законченныя картины въ Русской исторіи“, который — *„едва ли не вся исторія русскаго народа“*, его жизни умственной, религиозной, гражданской. А что всего лучше изданіе раскольничьихъ сочиненій въ свѣтъ поручить цѣлому обществу, а не частнымъ лицамъ, это можетъ быть доказано слѣдующими соображеніями. Никто не будетъ спорить, что чѣмъ скорѣе совершится подобное предпріятіе, тѣмъ лучше для православія и для раскола, тѣмъ успѣшнѣе вполнѣ можетъ быть изученъ расколъ, тѣмъ, слѣдовательно, быстрѣе можетъ совершиться его примиреніе съ православнымъ обществомъ, которое, узнавъ въ своемъ недавнемъ врагѣ своего роднаго брата, далеко не такъ испорченнаго, какъ представляли расколъ доселѣ, позаботится устранить причины взаимныхъ недоразумѣній и вражды другъ къ другу. Но частныя лица, какъ бы ни велико было ихъ усердіе къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не въ состояніи будутъ вести его съ желаемою быстротою. Во-первыхъ, частныя лица никогда не могутъ имѣть достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для такого огромнаго предпріятія, какъ изданіе въ свѣтъ произведеній раскольничьей литературы. Мы знаемъ, да и кому неизвѣстно это, что число раскольничьихъ сочиненій очень и очень не мало, и многія изъ нихъ до того объемисты, что для изданія одного такого сочиненія потребуются значительные рас-

ходы. Кромѣ того—и это самое важное—частныя лица, даже тѣ, которыя посвятили себя изученію раскола, имѣють у себя далеко не полное собраніе произведеній раскольничьей литературы, и притомъ никто изъ нихъ не можетъ поручиться, что имѣющіяся у него раскольничьи сочиненія суть болѣе характеристическія, яснѣе и полнѣе рисующія духъ раскола и его стремленія. А поступать въ такомъ важномъ дѣлѣ *по случаю*, т. е. печатать, что попадется подъ руки, значитъ шутить съ предметомъ, стоящимъ полнаго и самаго серьезнаго вниманія каждаго. Не того можно ожидать, если бы образовалось „общество“ для изданія раскольничьей письменности. Остановки въ дѣлѣ изъ-за средствъ къ его совершенію въ такомъ случаѣ не можетъ быть. Правительства и духовное и свѣтское, понимая всю важность цѣли такого общества, конечно, не откажутъ ему въ своей помощи; притомъ общество и само по себѣ можетъ располагать большими средствами, чѣмъ частныя лица. А главное: тогда можно надѣяться, что будутъ являться въ печати раскольническія сочиненія дѣйствительно полезныя и необходимыя для цѣли. Мы уже говорили, что не смотря на тайну, въ какой хранили раскольники произведенія своей литературы, безчисленное множество сочиненій раскольническихъ находится въ рукахъ правительства духовнаго и свѣтскаго, благодаря тѣмъ временамъ, когда разорялись раскольничьи скиты и моельни, все имущество которыхъ поступало въ распоряженіе власти. Изъ пріобрѣтенныхъ такимъ способомъ сочиненій раскольничьихъ, правда, многія уже не существуютъ на свѣтѣ, благодаря тому пренебреженію, съ какимъ доселѣ смотрѣли на произведенія невѣждъ, а иногда и—официальнымъ распоря-

женіямъ—жечь „злую прелесть“. Но при всемъ томъ и теперь—въ разныхъ книгохранилищахъ стоятъ цѣлые шкафы, наполненные книгами въ кожаныхъ переплетяхъ съ застежками и—запечатанные. Распечатать эти недоступныя доселѣ большинству хранилища можно безъ труда и „общество“, по распоряженію правительства, будетъ имѣть у себя тысячи экземпляровъ сочиненій раскольничьихъ различнаго содержанія и разныхъ періодовъ жизни раскола. Дѣлать изъ многого выборъ, печатать, что есть лучшаго и болѣе существеннаго, дѣлать изданія по исправнѣйшимъ спискамъ,—это уже обязанность общества. Но при этомъ не можемъ не замѣтить, что при сужденіи о томъ, какія изъ раскольничьихъ сочиненій болѣе заслуживаютъ правъ на изданіе, не лишне имѣть въ виду то обстоятельство, что не то только важно, что можетъ показаться такимъ людямъ образованнымъ. Расколъ—малообразованный и малоразвитый имѣетъ свой уголъ зрѣнія на предметы, и то, что кажется пустяками для человека умнаго и развитаго, можетъ быть дорого и важно для раскольника. Впрочемъ выборъ сочиненій раскольничьихъ для изданія ихъ въ свѣтъ будетъ опредѣляться главнымъ образомъ цѣлю такого предпріятія. Поэтому, если цѣль „общества“ будетъ состоять въ томъ, чтобы ознакомить публику не только съ догматическою стороною раскола, не только съ его историческою жизнію, но и съ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ раскола въ ту или другую пору его жизни, въ такомъ случаѣ, исключенія изъ круга сочиненій, подлежащихъ изданію, будутъ рѣдки. Одно только можно порекомендовать въ этомъ случаѣ,—то, чтобы на сочиненія раскольническія позднѣйшаго вре-

мени, въ которыхъ излагаются результаты, добытые расколомъ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, такъ сказать, послѣдніе его выводы въ догматикѣ и современные, насущные запросы жизни, было обращено особенное, преимущественное вниманіе. А при этомъ неизбѣжнымъ представляется для „общества“ напередъ познакомиться съ расколомъ лицомъ къ лицу, изучить, по возможности, настоящую жизнь его, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, а не какъ изображается на бумагѣ, на которой всего не напишешь. Тогда, и только тогда, видно будетъ, что расколъ считаетъ въ своемъ ученіи важнымъ и неизмѣннымъ, святымъ и неприкосновеннымъ, чего держится по привычкѣ, и что уже самъ оставилъ, сознавъ свою ошибку. Для примѣра укажемъ на слѣдующій пунктъ ученія раскольническаго. Какъ извѣстно всякому, безпоповцы, провозгласившіе, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ правильнаго священства, признали вмѣстѣ съ тѣмъ; какъ неизбѣжное слѣдствіе, что нѣтъ и не можетъ быть нынѣ и таинствъ. На этомъ основаніи, они, между прочимъ, опредѣлили проводить всѣмъ дѣвственную жизнь. Но время показало, что составить опредѣленіе легче, чѣмъ исполнить его. Является Иванъ Алексѣевъ, который, возмущаясь распутною жизнію своихъ собратій, начинаетъ проповѣдывать, что бракъ — дѣло законное и неизбѣжное, и что его можно заключать и безъ церковнаго благословенія. И вотъ тогда, какъ поморцы, не соглашаясь прямо признать ученіе Алексѣева правильнымъ, терпятъ однакожь въ своемъ обществѣ новоженцовъ, ѳедосѣевцы отвергаютъ ихъ, какъ еретиковъ. И что же? Черезъ нѣсколько времени поморцы и сами признали необходимость брака, а въ настоящее время и ѳедосѣевцы поступаютъ также, хотя и

доселѣ въ ихъ сочиненіяхъ можно встрѣтить мысли, что „за неимѣніемъ православнаго священства бракъ состояться не можетъ, и потому подобаетъ всѣмъ жить цѣломудренно“. Издателямъ раскольничьихъ сочиненій должны быть знакомы подобные метаморфозы въ ученіи раскольниковъ, и особенно послѣдніе выводы раскола.

Далѣе: самое изданіе въ свѣтъ раскольническихъ сочиненій, по нашему мнѣнію, должно быть подчинено извѣстнымъ правиламъ, которыя опредѣляются самою сущностію дѣла. И во-первыхъ, намъ кажется, нельзя поступать въ этомъ случаѣ такъ, какъ сдѣлалъ г-нъ Б. въ своемъ „Описаніи“, помѣстивъ въ немъ разобранныя имъ сочиненія неполнѣ, а отрывками. Подобный порядокъ, не объяснимый никакимъ соображеніемъ, кромѣ развѣ желанія—сократить трудъ переписки, заключаетъ въ себѣ положительную невыгоду — ту, что оставляетъ читателя въ недоумѣніи, все ли передано авторомъ изъ того, что содержится въ извѣстномъ раскольническомъ сочиненіи, такъ ли онъ понялъ или даже хотѣлъ понять то или другое мѣсто, передаваемое отрывочно, не опустилъ ли чего такого, что въ состояніи объяснить, почему и какъ извѣстный раскольническій писатель пришелъ къ такому, а не другому взгляду на дѣло, — однимъ словомъ: въ напечатанномъ подобнымъ образомъ раскольническомъ сочиненіи читатель видитъ только отрывки изъ него, а не самое сочиненіе, и долженъ или вѣрить на слово автору „Описанія“, или—позаботиться пріобрѣсть самую рукопись. Не говоримъ уже о томъ, что подобное сокращеніе сочиненій даетъ мѣсто произволу въ самыхъ заключеніяхъ о писателѣ ихъ и достоинствѣ самыхъ сочиненій, между тѣмъ какъ сполна напечатанная рукопись мо-

жетъ служить для читателя контролемъ надъ издателемъ, или авторомъ, а для самаго автора самымъ сильнымъ побужденіемъ произносить свои заключенія и выводы болѣе осмотрительно и справедливо. Тѣми же недостатками отличается и переводъ и перифразъ раскольническихъ рукописей при изданіи ихъ, что находимъ мы, напр., въ „Разсказахъ изъ исторіи старообрядства по раскольничьимъ рукописямъ“, переданныхъ г. Максимовымъ. Вѣримъ г. Максиму, что онъ дѣлалъ свое дѣло „безъ всякой предвзятой мысли и въ возможно упрощенной формѣ“. Но все же это—форма г. Максимова, а не старца Пахомія, не Аввакума, не Андрея Денисова, а кромѣ собственной предвзятой мысли можетъ быть еще неумѣнье передавать точно и вѣрно чужія мысли,—недостатокъ немаловажный; а кто читателю поручится, что г. Максимовъ чуждъ этого недостатка? Правда, г. Аристовъ говоритъ, что „небольшая книжка г. Максимова служить отличнымъ руководствомъ, какъ можно изъ раскольническихъ сочиненій добывать матеріалы для исторіи и для уясненія взгляда на появленіе и жизнь раскола“, что г. Максимовъ „смотритъ прямо и безпристрастно на сочиненія раскольниковъ“, не скрывая недостатковъ ихъ, что онъ не ограничился только *вѣрной* передачей содержанія рукописей, но во многихъ мѣстахъ даже дополнялъ недостатокъ свѣдѣній, находящихся въ рукописяхъ, указаніемъ на постороннія свидѣтельства (¹). Но во-первыхъ, много есть лицъ, которыя, не замѣчая, какъ проходитъ „Время“, могутъ однакожь натолкнуться на небольшую книжку г. Максимова, и не знать объ ней мнѣнія г. Аристова. Во

(¹) *Время*, 1862 г. январ. критич. обоз. стр. 91.

вторыхъ, нынѣ какъ-то мало вѣрятъ въ авторитеты, и лучше хотятъ руководиться во всемъ своею собственною головой; — быть можетъ, не хорошее направленіе умовъ, но иногда оправдываемое самымъ дѣломъ. Примѣръ недалекъ. По словамъ г. Аристова, книжка г. Максимова — образецъ для подражанія, а между тѣмъ, на основаніи одного только предисловія ея читатель можетъ придти къ совершенно другому заключенію о достоинствѣ труда г. Максимова. Такъ г. Максимовъ говоритъ, что онъ „на этотъ разъ останавливается съ особенною охотою на старца Корнилія, какъ на одномъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливѣйшихъ распространителей раскола. Онъ почему-то былъ не замѣченъ всѣми, писавшими о русскомъ расколѣ, и даже въ самыхъ поименныхъ перечняхъ раскольничьихъ проповѣдниковъ имя его было пропущено“ (1). Между тѣмъ всякій знаетъ, что и въ исторіи русской Церкви пр. Филарета (2), и особенно въ исторіи русскаго раскола пр. Макарія (3) упоминается о Корнилія, и въ послѣднемъ сочиненіи даже довольно подробно. Очевидно, г. Максимовъ мало знакомъ съ литературой противораскольнической; а послѣ этого, какъ же ему вѣрить? Это, замѣтитъ намъ г. Аристовъ, — мелочи и не касаются самыхъ рассказовъ г. Максимова. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на другія мѣста „небольшой книжки“, изъ которыхъ будетъ видно, что довѣрять умѣнью г. Максимова „добывать изъ раскольническихъ сочиненій матеріалы для исторіи раскола“ не совсѣмъ можно. Г. Мак-

(1) Стр. III и IV.

(2) Часть III, стр. 112.

(3) Изд. I-е стр. 174, примѣч. 316 и стр. 250.

симовъ, какъ видно ⁽¹⁾, не только дополнялъ содержаніе раскольническихъ рукописей сторонними свидѣтельствами, но и исправлялъ замѣченныя имъ въ сказаніяхъ раскольниковъ историческія невѣрности. Вездѣ ли онъ поступалъ такъ, или только тамъ, гдѣ угодно было? Если вездѣ, въ такомъ случаѣ, что значать извѣстія, сообщаемыя г. Максимовымъ, о томъ, что въ числѣ противниковъ преобразованіямъ Никона былъ Иванъ Насѣдка ⁽²⁾, что патріархъ Іосифъ умеръ въ 1657 году ⁽³⁾, что исправлялъ книги при Никонѣ Арсеній Сухановъ ⁽⁴⁾? Вѣдь всѣ эти свѣдѣнія рѣшительно несправедливы. Если же г. Максимовъ исправлялъ сказанія раскольниковъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то въ какихъ именно? Читатель этого не можетъ знать, когда свѣдѣнія раскольниковъ передаются въ перифразѣ и переводѣ, такъ что не знаешь, слова ли это раскольниковъ, или дополненія самаго г. Максимова. Кстати о дополненіяхъ. Передавая сказанія раскольниковъ объ Арсеніѣ, котораго Никонъ вызвалъ изъ Соловецкаго монастыря, и сдѣлалъ справщикомъ книгъ, г. Максимовъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Шушеринъ такъ говоритъ объ Арсеніѣ: „послаше же (Никонъ) съ милостынею старца Арсенія Суханова во Аѳонскую гору и во иныя святыя старожитныя мѣста, да оттуду старописанныя книги притяжутъ. Тойже принесъ изъ святыя горы Аѳонскія зѣло много древнихъ на греческомъ языкѣ писанныхъ книгъ, числомъ яко пятьсотъ. Еще и патріархи и иніи мнози не менѣе двоюсту различныхъ

(1) Стр. 43 и 46.

(2) Стр. 13.

(3) Стр. 15.

(4) Стр. 16.

древнихъ книгъ приела⁴. Тотъ же Арсеній, замѣчаетъ авторъ разсказовъ, посылаемъ былъ патріархомъ и во Іерусалимъ для снятія подлинной мѣры храма Воскресенія, для новаго Іерусалима патріаршаго (¹). Такимъ образомъ, г. Максимовъ Арсенія, справщика книгъ при Никонѣ, принимаетъ за одно лицо съ Арсеніемъ Сухановымъ, между тѣмъ, какъ это — два совершенно отдѣльныхъ лица. Что же это за дополненія свѣденій? Но пусть бы г. Максимовъ только показалъ, что онъ самъ не знаетъ, что Арсеній Сухановъ — не Арсеній грекъ, справщикъ книгъ, противъ котораго такъ возстаютъ раскольники. Нѣтъ! онъ навязываетъ свое незнаніе раскольникамъ, и передавая ихъ сказаніе объ Арсеніѣ въ текстъ, самовольно называетъ его Сухановымъ. „Посѣщая темницы тамошнія (въ Соловецкомъ монастырѣ), говоритъ г. Максимовъ, Никонъ входитъ въ тотъ казематъ, гдѣ заключенъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ, сосланный сюда патріархомъ Іосифомъ“ и затѣмъ передаетъ мнимое предсказаніе Арсеніемъ Никону (²) патріаршества. Между тѣмъ въ подлинной рукописи раскольнической, содержаніе которой передаетъ г. Максимовъ, читаемъ это мѣсто такъ: „Никону митрополиту посѣщающу въ темницахъ сущихъ и между прочими прииде во узилище, идѣже сѣдѣше сосланный отъ патріарха Іосифа въ заточеніе за нѣкоторыя Богу и законамъ противныя тяжкія вины чернецъ нѣкій, именемъ Арсеній, мужественный новинамъ и ересямъ защитникъ“⁴. Умѣетъ ли послѣ этого г. Максимовъ точно и вѣрно передавать содержаніе раскольническихъ

(¹) Стр. 31.

(²) Стр. 48 свес. стр. 16.

рукописей?... Нѣтъ! чтобы дѣлать дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, надлежащимъ образомъ, недостаточно только побывать на рѣкѣ Печорѣ и застаться тамъ раскольническими сочиненіями. Для этого нужна еще со стороны издателей подобныхъ сочиненій предварительная подготовка къ дѣлу, чтобы оно было дѣйствительно полезно для науки. Всего же лучше, если за это дѣло возьмется цѣлое общество лицъ, специально приготовленныхъ къ такому предпріятію. Но объ этомъ мы уже говорили. А теперь замѣтимъ, что послѣ всего сказаннаго, кажется, ясно видна справедливость нашего требованія, чтобы рукописи раскольническія не передавались въ перифразѣ и переводѣ—что автора не можетъ удерживать отъ разнаго рода вольностей и промаховъ, а читателей—отъ недовѣрія къ умѣнью автора излагать дѣло надлежащимъ образомъ, или отъ ошибокъ, имъ допущенныхъ—но печатались сполна. Вѣдь не всякій читатель можетъ имѣть подъ руками подлинныя сочиненія раскольниковъ, чтобы повѣрить составленные по нимъ рассказы. Да и какая польза въ рассказахъ для подобныхъ читателей? Рассказы приобрѣтутъ тѣ лица, у которыхъ нѣтъ раскольническихъ сочиненій, которые слѣдовательно должны на-слово вѣрить расказащину, иногда и невѣрному.

Наконецъ—справедливо желать, чтобы изданіе раскольническихъ сочиненій не ограничивалось одной перепечаткой ихъ, — это ужъ слишкомъ безгрѣшно, и г. Кожанчиковъ, напечатавшій подобнымъ образомъ „Исторію Выговской пустыни“, или „Житіе протопопа Аввакума“—пусть не мечтаетъ, будто онъ сдѣлалъ огромную услугу наукѣ и обществу,—но чтобы сказанія раскольниковъ повѣрялись и, гдѣ нужно, исправлялись

и объяснялись. Если не справедлива, какъ мы уже замѣчали (¹), мысль, будто въ сочиненіяхъ раскольниковъ содержатся однѣ только басни,—то съ другой стороны нельзя утверждать, чтобы не было въ нихъ и много такого, что дѣйствительно далеко отъ истины. Несправедливости и вымыслы, находящіеся въ раскольническихъ сочиненіяхъ, произошли не отъ того только, что авторы ихъ, какъ люди, удалившіеся отъ общей жизни православнаго общества и заключившіеся въ своихъ скитахъ и пустыняхъ, о многомъ писали, такъ сказать, по слухамъ, а какъ лица, не получившія надлежащаго образованія, простыя, неразвитыя, многого и понять не могли, или лучше, на все смотрѣли съ своей точки зрѣнія,—но и отъ того, что раскольническіе писатели, какъ вожаки раскола, имѣвшіе причины и считавшіе своею обязанностію не допускать своихъ кліентовъ до соединенія съ православнымъ обществомъ, не рѣдко выдумывали разныя небылицы на тѣ или другія лица съ цѣлію поселить въ раскольникахъ отвращеніе и къ тѣмъ сословіямъ, къ которымъ эти лица принадлежали. Въ этомъ случаѣ, всего болѣе, какъ извѣстно, нападали раскольники на патріарха Никона, Императора Петра I и др. Въ жизни и дѣятельности напр. патріарха Никона, кажется, нѣтъ ни одного частнаго случая, которому бы раскольники не дали своего особеннаго, самаго темнаго смысла. Печатать подобнаго рода вымыслы и клеветы раскольниковъ, безъ означенія ихъ лживости, значило бы съ одной стороны не дорожить истиною, не уважать доброй памяти общественныхъ дѣятелей,—съ другой—давать малосвѣдущимъ

(¹) Христ. Чт. 1861 г. Июнь. Стр. 466.

раскольникамъ поводъ думать, будто эти вымыслы—сущая правда, и чрезъ это укоренять въ нихъ предубѣжденія противъ православнаго общества, и безъ того очень сильныя. Мы понимаемъ, что наше требованіе не легко для исполненія, что оно указываетъ на необходимость ученой, серьезной подготовки къ дѣлу со стороны издателей. Но по этому-то между прочимъ мы и говорили, что изданіе раскольническихъ сочиненій всего лучше можетъ быть ведено цѣлымъ обществомъ лицъ, знатоковъ раскола, которые совокупными силами скорѣе преодолѣютъ указанную нами трудность. Говоря о необходимости критическаго разбора фактовъ, содержащихся въ раскольническихъ сочиненіяхъ, мы имѣемъ въ виду не одну историческую сторону дѣла, но и догматическую, т. е. считаемъ нужнымъ дѣлать *объясненія* самаго ученія, находящагося въ томъ или другомъ раскольническомъ сочиненіи. Это значитъ не то, будто нужно писать подробныя опроверженія того или другаго пункта ученія раскольническаго,—это обязанность полемики; а то, что необходимо показывать историческое значеніе каждаго религіознаго вѣрованія раскольниковъ, т. е. тѣ не рѣдко *условныя* обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на его происхожденіе, развитіе, измѣненіе и проч. и проч. Не лишнимъ также было бы показывать при этомъ истинный смыслъ тѣхъ частныхъ фактовъ и свидѣтельствъ, которыми раскольники подтверждаютъ ту или другую мысль. Это—самая слабая сторона въ расколѣ, но вмѣстѣ и самая гибельная для неопытныхъ людей. Писатели раскольническіе болѣею частію поступаютъ такъ: отыскиваютъ какой-либо частный случай, исключеніе изъ древней церковной практики, и потомъ, на осно-

ваніи такого исключенія строятъ общую мысль, что такъ и должно быть, когда такъ было прежде. Или приискиваютъ свидѣтельство древности о какомъ либо предметѣ, и затѣмъ, давши ему свой смыслъ, и для этого не рѣдко опустивъ нѣсколько словъ, объясняющихъ сущность дѣла, приводятъ это свидѣтельство въ доказательство своей предзанятой мысли. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы могли бы указать множество примѣровъ, но ограничимся только нѣкоторыми. Такъ отыскавъ въ Прологахъ и Житіяхъ святыхъ примѣры того, что нѣкоторые святые, не имѣя священнаго сана, крестили въ случаѣ нужды другихъ, раскольники утверждаютъ, что и вообще простолюдину можно совершать крещеніе. Или на томъ основаніи, что о нѣкоторыхъ святыхъ не сказано, чтобы они, живя въ пустыняхъ, причащались Тѣла и Крови Христовой, раскольники учатъ, что можно спастись и безъ Евхаристіи. Очевидно, все это—натяжки,—тѣмъ болѣе не справедливыя, чѣмъ меньше настоящее положеніе раскольниковъ похоже на состояніе древнихъ христіанъ въ первые вѣка Церкви Христовой... Впрочемъ мы не беремъ на себя труда опредѣлять въ точности, въ чемъ должны состоять „объясненія памятниковъ умственной жизни раскола“; мы только заявляемъ наше убѣжденіе, что изданіе въ свѣтъ раскольническихъ сочиненій безъ критическаго разбора фактовъ историческихъ и объясненія самаго ученія, не только не можетъ принести особенной пользы наукѣ, но еще можетъ быть вредно для жизни. Оно дастъ раскольническимъ наставникамъ возможность усилить свою пропаганду—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока лица, которыя занимаются, или будутъ заниматься нашею народною исторіею „не сдѣ-

лають“ безошибочныхъ выводовъ „изъ одностороннихъ“ и не рѣдко „вымышленныхъ“ сказаній раскольническихъ. Само собою разумѣется, что объясненія разнаго рода сказаній раскольниковъ должны дѣлаться „не въ духѣ угожденія исключительной партіи,“ а безпристрастно и спокойно, съ полною любовію къ заблуждающимъ и ихъ немощамъ, но въ то же время и *безъ ненависти* къ противной сторонѣ, которая (ненависть) можетъ возникнуть въ довѣрчивомъ читателѣ раскольническихъ сочиненій, наполненныхъ постоянными и слезными жалобами на несправедливости православныхъ, — жалобами, часто преувеличенными, а иногда и положительно ложными (какова большая часть жалобъ раскольническихъ на жестокости Никона), какъ случилось это, напр., съ г. Аристовымъ, который, прочитавъ рассказъ о Никонѣ Андрея Денисова, переданный г. Максимовымъ, увлекся клеветами раскольниковъ на патріарха до того, что обвиняетъ его „въ размахистой и шумной жизни“, тогда какъ Никонъ и на патріаршемъ престолѣ остался тѣмъ же строгимъ подвижникомъ, какимъ былъ въ Анзерскомъ скиту.

Что же касается самыхъ изданій о расколѣ, которыя послужили поводомъ къ нашимъ замѣткамъ, то мы не намѣрены вести подробной рѣчи объ нихъ. Скажемъ только нѣсколько словъ объ „Исторіи Выговской пустыни.“ Она издана, по словамъ г. Кожанчикова, по рукописи Ивана Филиппова. Мы имѣемъ у себя рукопись Ивана Филиппова, только въ ней нѣтъ многихъ главъ, помѣщенныхъ въ изданіи Кожанчикова, именно — нѣтъ первыхъ 18 главъ, и рукопись наша прямо начинается съ 19 главы (по изданію Кожанчикова) словами: „аще убо древній нечестивій и безумній еллинъ.“ За тѣмъ

въ нашей рукописи нѣтъ 7 послѣднихъ главъ изъ повѣсти, „о злѣключеніи на Выговскую пустынь“ чрезъ Ивана Круглаго, именно — начиная съ 24 главы по 30 включительно. Отчего эта разность, трудно сказать. Счетъ главъ въ нашей рукописи идетъ въ порядкѣ, а между тѣмъ многихъ главъ не достаетъ. Не включилъ ли г. Кожанчиковъ въ свое изданіе и такія главы, которыя не принадлежатъ Филиппову, не составляютъ части его Исторіи Выговской пустыни, а представляютъ совершенно отдѣльное сочиненіе, только помѣщенное въ одномъ сборникѣ съ рукописью Ивана Филиппова, какъ имѣющее связь съ ней по содержанию? О послѣднихъ главахъ „повѣсти о злѣключеніи на Выговскую пустынь“ еще можно думать (на основаніи содержанія ихъ), что они составляютъ часть исторіи Филиппова и суть его произведеніе, хотя по складу рѣчи они не похожи на остальные. Но первыя 18 главъ едва ли можно считать произведеніемъ Филиппова и частью его исторіи, потому что они не только по языку разительно отличаются отъ главъ дальнѣйшихъ, но и по содержанию не имѣютъ съ ними прямой непосредственной связи, или говорятъ о томъ, о чемъ рѣчь идетъ въ слѣдующихъ главахъ. Такъ во 2 главѣ (по изданію Кожанчикова) говорится о православіи до-Никоновской церкви, о Никонѣ (при чемъ рассказываются всѣ возможные вымыслы о разныхъ случаяхъ его жизни) и его мнимыхъ нововведеніяхъ и жестокостяхъ, которыя будто бы употреблялъ патріархъ при введеніи въ церковь своихъ новоисправленныхъ книгъ. Эта глава, не имѣющая никакой прямой связи съ Исторіей Выговской пустыни, написана, какъ замѣтилъ самъ издатель (стр. XII), до того нелѣпо и высокопарно, съ такою злостію

противъ Никона и съ такимъ пристрастіемъ къ расколу, что едва ли ее можно считать произведеніемъ Ивана Филиппова, который, по справедливому замѣчанію Александра Б. (опис. ч. I., стр. 203), рѣзко отличается отъ другихъ раскольническихъ писателей спокойствіемъ и умѣренностію, правдивостію и безпристрастіемъ, уваженіемъ и почтительностію къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ рѣчь идетъ о разныхъ расколоучителяхъ, будто бы пострадавшихъ отъ Никоновыхъ учениковъ, и въ числѣ этихъ лицъ упоминается Игнатій Соловецкій, Пименъ, Даніилъ Вилкулинъ, Епифаній и другіе, о которыхъ рѣчь идетъ и въ дальнѣйшихъ главахъ, начиная съ 19-й, которою собственно и начинается сочиненіе Филиппова—по нашей рукописи. Что же это значитъ? Къ чему Филиппову нужно было говорить объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, и притомъ одно и то же, въ разныхъ главахъ одного и того же сочиненія? А подобныхъ повтореній множество. Вотъ одно для примѣра *самое замѣтное*. Во 2-й главѣ (стр. 23) читаемъ о митрополитѣ новгородскомъ Макаріѣ слѣдующее: „егда бысть на Никоновомъ соборици, колебашеся и той, яко пѣанъ, страха ради, аще и неволею, бояся прещенія и мукъ и сана изверженія и сѣлки и заточенія и бояся царскаго гнѣва и отъ Никона облеветанія. И той яко человекъ поползеся внесенныя Никономъ новости пріяти. Охъ прелести твоя душегубительныя, мірская славо; аще и сумнѣніемъ томимъ, но книги новопечатныя пріять отъ Никона и взя и привезе съ собою въ великій Новградъ во архіерейскій свой домъ Премудрости Божіей, и его архіерейскаго дома казначій и ключарь, мужіе великаго книжнаго разсужденія бяху и духовны выдаще сіе

вельми о томъ опечалишася и смутишася и съ великою печалію приступльше, моляху Макарія глаголюще: молимъ тя Владыко, не попусти сего новаго яда на сыновъ твоя пасты, но скрый сіе Никоново новолюбное жало въ нѣдрахъ земли общѣя нашея матери, яже присно помогаетъ летающей отъ змія, Ісусовѣ прекрасной нѣвѣствѣ церкви Христовѣ; сія же слыша Макарій стыдомъ лице свое покрываше, яко дерзну пріяти новостію поврежденныя книги Никономъ; того ради повелѣ оныя затворити во едину отъ полатъ, близъ Софійскаго дому и двери тыя запечатати своею архіерейскою печатію. И бяше сокровенъ Никоновыхъ новостей ножъ въ каменныхъ полаты тоя ножняхъ и Арсеніево жало въ крѣпкихъ стѣнахъ храняшеся. Тѣмъ же аще и шумяше Никоновыхъ новостей громъ по всей Росіи, обаче въ области великоновоградской епархіи не слышася страшныя его гласы, якоже въ прочихъ епархіяхъ, зане Макарій митрополитъ удержа у себе новыя книги, данныя ему отъ Никона; хотя въ то время оной митрополитъ Макарій отъ Никона и прочихъ новолюбителей многое порицаніе и озлобленіе претерпѣ въ животъ своемъ.“ Въ главѣ 19-й, которою, повторимъ, начинается въ нашей рукописи исторія Ивана Филиппова, говорится о Макаріѣ слѣдующее: „доколѣ же бѣ въ Новоградѣ Макарій митрополитъ, мужъ кроткій и благоразумный и древлецерковнаго благочестія добрый исповѣдникъ, дотолѣ въ новгородской епархіи и олонецкомъ уѣздѣ, вси древнихъ церковныхъ преданій хранители Никоновыхъ новинъ непринимашу и старопечатныя безъ боязни содержаху книги и по нимъ славословіе Божіе совершающе въ мирѣ и тишинѣ пребываху, той бо митрополитъ аще и бѣ на Никоновомъ

соборищи и боязни ради неволею подписася на отверженіе древнихъ уставовъ, яже Никонъ отложи; обаче пришедъ во свою митрополію, въ великій Новградъ, новопечатныя книги и двочастный крестъ, по совѣту иконома своего и ризничаго и прочихъ благосовѣстныхъ священнаго сана мужей, вложи въ едину нѣкую палату и заключи ю и запечата, да Никоново новшество, при животѣ его въ великомъ Новѣградѣ и въ окрестныхъ монастырехъ и въ предѣлахъ его не разсѣяно будетъ; самъ же древлепечатныя книги содержаше и по тѣмъ церковную совершаше службу“ (стр. 79 и 80). Всякій согласится, что кромѣ „яда, жала, змія, ножа, громовъ“ и подобныхъ высокопарныхъ до негѣпости выраженій, въ 19-й главѣ говорится о Макаріѣ тоже самое, что и во 2-й главѣ. Чѣмъ же объяснить подобныя повторенія? — Тѣмъ только и можно, что первыя 18 главъ, помѣщенныя въ изданіи Кожанчикова, составляютъ отдѣльное сочиненіе отъ Исторіи Выговской пустыни, и слѣдовательно не принадлежатъ Ивану Филиппову. Тѣмъ болѣе необходимо допустить это, что 19 глава составляетъ приступъ къ дальнѣйшимъ главамъ, — такой же, какой находится и въ 1-й главѣ, составляющей приступъ къ слѣдующимъ 17 главамъ. А это прямо показываетъ, что съ этой главы (19) начинается новое сочиненіе. Трудно сказать, кому принадлежатъ первыя 18 главъ, помѣщенныя въ изданіи г. Кожанчикова. Ихъ витіеватый до напыщенности слогъ, негѣпости, передаваемые въ этихъ главахъ про Никона, ненависть писателя къ православію, доходящая до дерзкихъ выходокъ противъ него, — все это такъ и наводитъ мысль на Семена Денисова, который былъ знакомъ „съ грамматическимъ и риторическимъ искусствомъ,“

но злоупотреблялъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ до крайности и преимущественно предъ другими раскольническими писателями отличался враждою къ православію, пристрастіемъ къ расколу и возмутительною живостью (1). Въ Каталогъ Павла Любопытнаго говорится, что Семенъ Денисовъ написалъ, между прочимъ, „пылкое, занимательное и убѣжденіемъ горящее отвѣтное слово внѣшнимъ о разномъ ихъ насиліи и явномъ тиранствѣ, чинимымъ по своей дерзости и невѣжеству благочестивымъ старовѣрамъ и старообрядцамъ за вѣрованіе ихъ по Духу Христовой Церкви и священіе его догматовъ и обрядовъ.“ Содержаніе 18 главъ, о которыхъ идетъ рѣчь, соотвѣтствуетъ этому заглавію; въ нихъ говорится о раскольникахъ, сгорѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ, будто бы вслѣдствіе преслѣдованія ихъ со стороны православныхъ. Это — какъ бы продолженіе Винограда Россійскаго. Кстати о самосожигательствѣ раскольниковъ. Въ предисловіи къ „Исторіи Выговской пустыни“ говорится объ этомъ предметѣ слѣдующее: „многіе предполагали, что самосожженіе былъ особенный раскольнический догматъ. Если принять это за положеніе, то въ подтвержденіе его должны быть въ исторіи раскола факты, доказывающіе, что раскольники сожигались сами собой, единственно изъ догматическаго убѣжденія—для спасенія души своей, или потому, что велѣли такъ ихъ учителя: это все равно. Если бы это было такъ, то у насъ были бы факты самосожженія добровольнаго, возбужденнаго этимъ ученіемъ, въ всякихъ другихъ, побуждающихъ къ тому причинъ. Мы такихъ фактовъ не встрѣтили. Напротивъ мы находимъ

(1) Опис. Алек. Б. ч. I. стр. 90.

факты, доказывающіе положительно, что самосожженіе было не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшею властію, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ безсиліи, въ невозможности избѣгнуть отъ наказанія,—средство уравнять свое безсиліе пожертвованіемъ личностей. Что предшествовало самосожженію? Извѣстіе, что идутъ подъячіе, начальники съ солдатами и понятыми—захватить укрывающихся раскольниковъ; за тѣмъ слѣдовало соглашеніе раскольниковъ не отдаваться въ руки гонителей. Но чѣмъ противостоятъ силѣ? Они сбѣгаютъ вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церкви, въ избѣ, или въ ригѣ, загораживаютъ себя бревнами, заборами, прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломой, запираютъ двери, окна, ворота, укрѣпляютъ ихъ перекладами, бревнами, крѣпкими задвижками, и ожидаютъ своихъ гонителей; только при ихъ появленіи и только при нападеніи ихъ зажигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми. „Отойдите, кричали они гонителямъ, оставьте насъ, или мы сгоримъ“. Были случаи, что гонители отходили и самосожигатели не сожигались и оставляли свое намѣреніе. Всѣ извѣстные случаи самосожженія были всегда и не иначе какъ въ виду явившихся для захвата раскольниковъ воинскихъ командъ и, большею частію во время нападенія ихъ на жилища раскольниковъ. Что заставляло тогда нѣкоторыхъ фанатиковъ, увлекавшихъ съ собой не свѣдущихъ сельскихъ жителей, принимать такую страшную мѣру? Отвѣтъ на это они сами даютъ, описывая исторически вѣрное изображеніе формы современнаго преслѣдованія раскольниковъ: „вездѣ чеши брачаху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служажу: вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической

повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыхъ новинъ, яростію, гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа дышаху: битіемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщеваху: лукавствомъ и коварствомъ злымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождаху, и отъ таковаго насилуваннаго лютаго мучительства обліяхуся вся грады кровію; утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ стенаніи и плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... Иные страдали за вѣру, другіе укрывались, кто куда могъ⁴, иные при появленіи наѣзда гонителей „съ оружіемъ и пушками“ боящеся ихъ мучительства, сами сожигахуся⁴. Вотъ объясненіе самосожигательства, обнаруженное раскольниками и подтвержденное фактами, изложенными въ главахъ 3, 4, 7 и 8 по 18-ю рукописи Ивана Филипова. Факты эти вѣрны, потому что подтверждаются также множествомъ слѣдственныхъ дѣлъ того времени, сохранившихся и до насъ дошедшихъ; по этимъ дѣламъ сверхъ того видно, что всѣ случаи самосожженія возбуждены были арестованіемъ раскольниковъ, и преимущественно за два предмета: за распространеніе раскола и за не платежъ податей, или двойнаго оклада, положеннаго съ раскольниковъ“ (1). Таковъ взглядъ издателя „Исторіи Выговской пустыни“ на самосожигательство раскольниковъ, — взглядъ нужно сказать не новый, но преувеличенный до крайности. Еще въ началѣ *прошедшаю* года въ одномъ свѣтскомъ журналѣ (2) былъ высказанъ подобный же взглядъ на рассматриваемый предметъ. „Есть поводъ думать, говорилось въ этомъ журналѣ, что не одно толь-

(1) Пред. стр. V—VII.

(2) Русскій Вѣст. Совр. Лѣтоп. № 4.

ко невѣжество и не одинъ религіозный фанатизмъ побуждали раскольниковъ приступать къ такому отчаянному рѣшенію: *во иныхъ случаяхъ* самосожигатели ссылались на притѣсненія чиновниковъ и мѣстнаго духовенства въ преслѣдованіи раскола“. Эту отчасти справедливую мысль издатель „Исторіи Выговской пустыни“ распространилъ на всѣ случаи самосожигательства раскольниковъ и утверждаетъ, что оно происходитъ не изъ догматическаго ученія заблуждающихъ, а вслѣдствіе преслѣдованія раскола со стороны православія. Что усиленное и неосторожное употребленіе противъ раскольниковъ строгихъ мѣръ чиновниками и мѣстнымъ духовенствомъ было иногда причиной (внѣшней) самосожигательства раскольниковъ, этого отвергать нельзя. Стоить прочесть указъ 1761 г. 19 іюня и другой 1762 г. 1 февраля, чтобы убѣдиться, что раскольники сожигались иногда, какъ сами они говорили „отъ причиняемыхъ имъ по одному ихъ расколу притѣсненій и забираію подъ караулъ“ (1). Но *всѣ случаи* самосожигательства и другихъ родовъ самоубійства раскольниковъ объяснять одними преслѣдованіями раскола—значить просто не знать этихъ случаевъ. Г. Кожанчиковъ говоритъ, что онъ не нашелъ фактовъ въ исторіи раскола, которые бы доказывали, что раскольники сожигались сами собой, единственно изъ догматическаго убѣжденія. Очень можетъ быть, только это не значить, чтобы такихъ фактовъ не было. Въ 18 первыхъ главахъ изданной имъ „Исторіи Выговской пустыни“ дѣйствительно нѣтъ ни одного случая, когда бы раскольники сожглись сами собой, а не въ слѣдствіе опасенія

(1) Пол. Собр. Зак. т. XV, №№ 11, 277 и 11, 434.

попасть въ руки сыщиковъ. Но за чѣмъ же такъ до-
вѣрчиво смотрѣть на рассказы писателя этихъ главъ,
за чѣмъ было не обратиться къ другимъ сочиненіямъ
о томъ же предметѣ и не разъяснить дѣла, заслуживаю-
щаго полнаго вниманія? Мы беремъ на себя трудъ указать
г-ну Кожанчикову случаи самосожигательства и другихъ
родовъ самоубійства раскольниковъ, которые покажутъ,
что взглядъ его на этотъ предметъ крайне преувеличенъ
и даже несправедливъ. Въ концѣ XVII в. появляется
въ Сибири одинъ расколоучитель, по имени Дометіанъ
(попъ, прежде бывшій православнымъ), который начи-
наетъ проповѣдывать поселянамъ, чтобы всѣ они остав-
ляли церкви и дома свои и бѣжали къ нему въ пус-
тыни, потому что настало царство антихриста и скоро
будетъ второе пришествіе Христа. Но такъ какъ еще
прежде Дометіана въ Сибири проповѣдывали другіе рас-
колоучители, которые между прочимъ, заповѣдывали
ученикамъ своимъ предавать себя на добровольное ог-
ненное сожженіе, которое фанатики называли вторымъ
крещеніемъ,—то собравшіеся къ Дометіану поселяне въ
числѣ 1700 человекъ стали требовать, чтобы онъ со-
вершилъ надъ ними это второе крещеніе. „Собралось
ко мнѣ въ пустыню, писалъ Дометіанъ постригшему
его въ иночество чернецу Иванищу, добродѣтельные
мужи и жены, дѣвы и отроки, и всѣ просятъ втораго
не оскверняемаго крещенія огнемъ,—что повелить твоя
святыня?“ Иванище отвѣчалъ просто и коротко: „зава-
рилъ кашу, ну и ѣшь ее, какъ хочешь.“ Тогда Доме-
тіанъ началъ приготовляться къ сожженію себя и сво-
ихъ учениковъ, велѣлъ наносить въ избы разныя удобо-
стараемыя вещества: смолу, берестъ, ленъ, сѣру, по-
рохъ. И несмотря на то, что не только никто не пре-

слѣдоваль указанныхъ раскольниковъ, но еще посланные отъ Сибирскаго митрополита Павла, услышавшаго о намѣреніи раскольниковъ, священники и другія лица убѣждали ихъ не губить себя, Дометіанъ съ 1700 человекъ все-таки сгорѣлъ (¹). Точно также, безъ всякаго преслѣдованія со стороны православныхъ, сгорѣлъ другой сибирскій расколоучитель Васька Шапошникъ— вмѣстѣ съ своими учениками (²). Преосв. Игнатій Тобольскій рассказываетъ еще случай добровольнаго, независимаго ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, самосожигательства раскольниковъ. Въ нижегородской губерніи, въ двухъ дворцовыхъ селахъ: Княгининѣ и Мурашкинѣ раскольники условились предать себя на сожженіе. Въ назначенный день всѣ они собрались въ одно гумно и, связавъ себя веревками человека по два и по три вмѣстѣ, вошли, какъ выражается Игнатій, „въ хранину хлѣбнаго просушительства, сирѣчь въ овинъ“ и, взобравшись на колосники, послали двухъ человекъ зажечь овинъ. Овинъ былъ зажженъ и всѣ погибли въ пламени кромѣ посланныхъ, которыхъ страхъ не допустилъ вскочить въ горѣвшій уже овинъ. Преосвященный прибавляетъ, что всѣ приготовленія къ сожженію раскольники дѣлали тайно, такъ что изъ православныхъ никто даже и не зналъ объ ихъ намѣреніи (³) Св. Дмитрій Ростовскій передаетъ въ своемъ Розыскѣ (⁴) еще нѣсколько случаевъ саможигательства раскольниковъ, бывшихъ въ началѣ XVIII в. Раскольники-крестьяне сожигались, не смотря на то, что помѣщики ихъ на-

(¹) Игнат. Митр. Тобол. посланіе III гл. 31.

(²) Тамъ же гл. 33.

(³) Тамъ же гл. 27.

(⁴) Ч. III, 24 гл.

рочно прѣзжали отклонять заблуждавшихъ отъ пагубнаго намѣренія. Протоіерей Андрей Іоанновъ разсказываетъ поразительный случай — подобнаго рода. Въ 1781 г. во время паски одинъ раскольникъ Кіевской губерніи, въ слободѣ Злынкѣ, перекрестилъ свою беременную жену и троихъ дѣтей, а потомъ въ слѣдующую ночь убилъ ихъ сонныхъ. На утро, явившись въ правленіе, онъ смѣло объявилъ свое преступленіе, говоря: „я мучитель былъ своимъ, а вы будете мнѣ; итакъ онѣ отъ меня, а я отъ васъ пострадаю, и будемъ въ купѣ за старую вѣру въ царствѣ небесномъ мученики“ (1). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ замѣчательный случай добровольнаго самоубійства раскольниковъ въ саратовской губерніи. Какой-то бродяга, по имени Фалалей, послѣдователь глухой нѣтовщины, явился близъ села Копена и внушилъ свои мысли о добровольномъ самоубійствѣ, какъ единственномъ въ настоящее антихристово время условіи спасенія, сыну одного крестьянина, по имени Алексѣю, который въ свою очередь нашелъ не мало послѣдователей этому ученію между крестьянами. Вскорѣ рѣшено было всѣми: приготовить въ уединенномъ мѣстѣ близъ рѣчки Перевозинки пещеру и, собравшись въ ней, заморить себя голодомъ. По счастію, отецъ Алексѣя, Яковъ Еѣимовъ Юшкинъ, узналъ о намѣреніи своего сына и, наказавъ его розгами, остановилъ на время дѣло. Но когда Еѣимовъ отправился (въ 1802 г.) по дѣламъ своимъ въ Пензу, Алексѣй снова приступилъ къ исполненію своего намѣренія, уговоривъ своихъ послѣдователей въ числѣ 84 человекъ разнаго пола и возраста

(1) Полн. истор. извѣстіе ч. II, стр. 147—8. изд. 1799 г.

уйти тайно ночью въ приготовленную пещеру. Когда всѣ вошли въ нее, Алексѣй сталъ увѣщевать ихъ быть твердыми въ своемъ намѣреніи, увѣряя, что „для душъ ихъ отверзаются врата рая.“ Въ самой пещерѣ сложено было много соломы и хворосту для того, чтобы въ случаѣ розыска или, какъ говорилъ Алексѣй, погони отъ антихриста, не попасть живыми въ руки его слугъ, но тотчасъ зажечь солому и хворостъ и задуться. Неожиданный случай еще разъ спасъ заблуждающихся отъ ужасной смерти. Одна изъ бывшихъ тутъ женщинъ, пораженная мыслию о предстоящей участи, стала просить Алексѣя отпустить ее на рѣку, чтобы напоить умирающаго отъ жажды ребенка; а между тѣмъ, пользуясь темнотою ночи, она сперва скрылась, по выходѣ изъ пещеры, въ кустарникахъ, потомъ вышла въ поле и, нашедши ночевавшихъ тутъ людей, объявила, что Алексѣй Юшкинъ привелъ на Перевознику много людей и хочетъ заморить ихъ въ пещерѣ голодомъ. Поселяне тотчасъ же дали знать объ этомъ бурмистру и священнику, которые немедленно собрали народъ и послали на указанное мѣсто. И такъ какъ женщина предварила, что если сидѣвшіе въ пещерѣ замѣтятъ производимый за ними поискъ, то немедленно зажгутъ солому и хворостъ и погибнуть въ огнѣ,—поэтому посланные постарались подойти къ пещерѣ предъ утренней зарей и, сколько возможно, тихо. Въ это время Алексѣй Юшкинъ былъ зачѣмъ-то на берегу рѣчки. Увидѣвъ толпу, направляющуюся къ пещерѣ, Юшкинъ опрометью побѣжалъ туда, крича: „антихристъ идетъ, спасайтесь, не давайтесь живые въ руки“. Самъ же между тѣмъ бросился въ рѣку и старался захлебнуться, но былъ вытащенъ. Сидѣвшіе въ пещерѣ зажгли солому

и хворость, чтобы задохнуться въ дыму. Видя, что увѣщанія выйти изъ пещеры не дѣйствуютъ на раскольниковъ, поселяне стали заливать огонь чрезъ отверстіе и силою вытаскивать сидѣвшихъ въ пещерѣ. Къ сожалѣнію, отверстіе было такъ мало, что чрезъ него можно было только пролѣзть человѣку. Произошло страшное смятеніе. Изувѣры пришли въ изступленіе и стали вырываться изъ рукъ спасителей, рубить себѣ пальцы и под. Одинъ крестьянинъ, схвативъ дѣвочку, ударилъ ее о камень, но къ счастью не убилъ до смерти; потомъ схватилъ мальчика и ударилъ также о камень и убилъ до смерти, говоря при этомъ: „за Христа убиваю“. Скоро впрочемъ самоубійцы были обезоружены и спасены. Главнѣйшій виновникъ всего Алексѣй Юшкинъ былъ сосланъ на островъ Эзелъ, убившій мальчика — раскольникъ—въ монастырь на покаяніе, а остальные прощены и отданы подъ надзоръ вотчиннаго начальства. Но этимъ дѣло не кончилось. Сперва тайно, а потомъ и гласно стало опять распространяться между крестьянами гибельное ученіе; явился новый учитель Исай Алексѣевъ, а за тѣмъ освободился изъ подъ церковнаго покаянія раскольникъ, убившій мальчика, и сталъ помогать Алексѣеву въ проповѣди. Когда же ихъ сослали (въ 1822 г.) въ Сибирь за распространеніе раскола, явился въ село Копену (около 1826 г.) старый проповѣдникъ самоубійства, Алексѣй Юшкинъ, освобожденный изъ ссылки Императоромъ Александромъ Павловичемъ чрезъ посредство Аракчеева. Впрочемъ Юшкинъ недолго находился въ Копенѣ. Скрывшись неизвѣстно куда-то, онъ оставилъ вмѣсто себя сына своего Ивана проповѣдникомъ ученія о самоубійствѣ. И вотъ въ 1827 г. молодой Юшкинъ, вѣрный ученію изувѣрнаго отца, съ жа-

ромъ принялся за исполненіе его плановъ. Онъ уговорилъ предаться самоубійству около 60 человекъ раскольниковъ, обѣщая собственноручно препроводить ихъ въ царство небесное. Въ овинѣ на коноплянникѣ несчастные одинъ за другимъ клали головы на плаху и Юшкинъ хладнокровно наносилъ имъ смертные удары. Такъ погибло 35 человекъ и погибли бы всѣ, тамъ собравшіеся, если бы одна женщина, ужаснувшаяся кроваваго зрѣлища, не ударила въ набать. Сбѣжавшійся народъ спасъ остальныхъ. На допросахъ Юшкинъ былъ спокоенъ, какъ будто бы ни въ чемъ не виноватый. Наказанный, онъ былъ сосланъ въ каторжную работу (¹). Наконецъ укажемъ еще нѣсколько случаевъ самосожигательства раскольниковъ, бывшихъ въ недавнее время. Въ 1860 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ казанскихъ мѣщанъ, тайно принадлежавшій къ расколу, затопивши у себя дома печь, голый бросился въ нее, мгновенно былъ охваченъ пламенемъ и, прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ войти въ комнату, сгорѣлъ. Въ томъ же году 13 декабря крестьянинъ деревни Бурковой, Можайскаго уѣзда, Яковъ Григорьевъ, разложивъ костеръ дровъ въ своемъ овинѣ, поджегъ его и, нанеся себѣ нѣсколько ударовъ топоромъ на ногахъ и на лѣвой рукѣ, легъ животомъ на горѣвшій костеръ, но, будучи не въ силахъ вынести боль, сталъ кричать. На крикъ сбѣжались сосѣди и сняли вольнаго мученика съ костра. Григорьевъ объявилъ, что хотѣлъ страдать для спасенія своей души и грѣшнаго тѣла (²). Много можно было бы указать и другихъ случаевъ, но до-

(¹) Прав. Собесѣд. 1861 г. апр. стр. 433—441.

(²) Рус. Вѣст. Совр. Лѣтоп. 1861 г. № 4.

вольно. И изъ указанныхъ всякій можетъ видѣть, что объяснять самоожигательство и другіе виды самоубійства раскольниковъ одними преслѣдованіями заблуждающихъ — значитъ не знать ни исторіи раскола, ни ученія раскольниковъ. Если же ко всему сказанному прибавить еще то обстоятельство, что самоожигательство свойственно только *нѣкоторымъ* раскольническимъ сектамъ, хотя законы одинаково простираются *на всѣхъ*, и притомъ совершается въ мѣстахъ, гдѣ не употреблялись противъ раскола особенно строгія мѣры и притѣсненія, и въ такое время, когда законы были очень снисходительны къ раскольникамъ, — въ такомъ случаѣ еще яснѣе откроется несправедливость мысли, будто самоожигательство происходитъ не изъ ученія раскольниковъ, а отъ однихъ внѣшнихъ причинъ, отъ насилія и притѣсненій расколу. Нѣтъ, побужденіямъ къ самоожигательству и другимъ видамъ самоубійства *въ большей части случаевъ* служатъ для раскольниковъ-безпоповцевъ не внѣшнія гоненія, даже не умопомѣшательство религиозное, не фанатизмъ, — а то несчастное убѣжденіе, будто нынѣ царствуетъ на землѣ антихристъ, который осверняетъ своимъ богоборнымъ духомъ все, — не только всѣ предметы и священныя дѣйствія Православной Церкви, но и всѣ правительственныя учрежденія и распоряженія, всю гражданскую и семейную жизнь, даже до пищи. Мало это: есть секты въ расколѣ, которыя убѣждены, что антихристомъ осквернены скоты, звѣри, самыя стихіи: земля, воздухъ, вода и пр... (1) Какъ такой мрачный взглядъ на все окружающее можетъ довести раскольника до самоубійства, это довольно об-

(1) Пол. Ист. Изв. Иоаннова ч. II, стр. 176—7.

стоятельно объяснено въ статьѣ „о самосожигательствѣ раскольниковъ“, помѣщенной въ Православномъ Собесѣдникѣ (¹). Рекомендуемъ прочесть эту статью издателью „Исторія Выговской пустыни“, и тогда онъ узнаетъ, что самосожигательство раскольниковъ имѣетъ основаніе въ ихъ догматическомъ ученіи, хотя усиленію его могутъ благопріятствовать и внѣшнія причины, особенно притѣсненія раскола.

М. Шальскій.

(¹) Апрель 1861 г.